

18+

ПРИШЁЛ, УВИДЕЛ И УБИЛ

как и почему
римляне
убивали

эмма
саутон

«Блестящая идея,
блестяще воплощен-
ная в жизнь»

Том Холланд, автор
книги «Доминион»

«Саутон раскрывает
некоторые великие и мало-
известные истории об убий-
ствах, наслаждаясь в них
причудливым и жутким»
BBC History Magazine

БОМБОРА

Путешественники во времени (Эксмо)

Эмма Саутон

**Пришёл, увидел и убил. Как
и почему римляне убивали**

«Эксмо»

2020

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

Саутон Э.

Пришёл, увидел и убил. Как и почему римляне убивали /
Э. Саутон — «Эксмо», 2020 — (Путешественники во времени
(Эксмо))

ISBN 978-5-04-166619-4

Древние римляне изобретательно относились к убийствам. Но могут ли эти убийства, кровавадные, изобретательные, хитрые и порой захватывающие, рассказать нам историю целой Империи? Эмма Саутон раскрывает некоторые великие и малоизвестные истории об убийствах, наслаждаясь в них причудливым и жутким, тем самым попадая в самую точку и отвечая на вопросы, ответами на которые вы можете быть сильно удивлены. Это много раз удивляющий, развлекательный и познавательный взгляд на уникальную культуру преступлений, наказаний и убийств Древнего Рима. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-04-166619-4

© Саутон Э., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Введение	7
Что такое убийство?	9
I	11
Тиберий Гракх	12
Публий Клодий Пульхр	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эмма Саутон

Пришёл, увидел и убил. Как и почему римляне убивали

© Истомин К., перевод, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Хорошее и плохое не абсолютно и не относительно; оно
геометрично.*

Марк Кун. Плохо ли убивать?

*Армия может научить нас убивать, но она не делает нас
убийцами.*

Casefile, эпизод 90

Моим соучастницам – Эми-Элизабет, Джесс и Кейт

Пролог

Представьте себе идиллическую картину: на безмятежном холме в Центральной Италии какие-то мужчины сидят и молча смотрят в полуденное небо. Вдалеке заметен другой холм, а на нём – другое сборище. Все эти люди – пастухи, следовавшие за близнецами, которые явились неведомо откуда, свергли царя Альба-Лонги и сами стали править, объявив себя сынами Марса. При них Альба-Лонга превратилась в убежище для скрывающихся преступников, беглых рабов и бродяг всех мастей. Наконец пришельцев стало так много, что близнецы решили основать собственный город. И в этот момент между ними впервые разгорелся неразрешимый конфликт: по неизвестной причине город нужно было назвать в честь кого-то одного из близнецов – а второй должен был подчиниться брату. Ни тому ни другому уступать не хотелось; сошлись на том, что спор решат боги, послав знамение, а именно – коршунов. И вот близнецы и их соратники сели и стали ждать, оглядывая долину. Как вы уже догадались, звали братьев Ромул и Рем.

Прошло бог знает сколько времени – и вдруг с Авентинского холма, на котором ждали Рем и его товарищи, донёсся крик. Над холмом пролетели шесть коршунов – явный знак того, что боги избрали Рема в качестве основателя города. Обрадовавшись, Рем в сопровождении соратников отправился на Палатин, где ожидал знамения хмурый Ромул. Но не успел Рем поведать брату о случившемся, как над Палатином тоже появились коршуны – целых двенадцать. Боги решили, что основателем города станет Ромул.

Каждого из братьев его сторонники провозгласили царём. Возникла проблема. Каждая из ватаг основала собственный город. Напряжение всё нарастало. В конце концов Рем, демонстрируя полное презрение к начинаниям брата, перепрыгнул через одну из стен, возводившихся на Палатине. Это вызвало у Ромула приступ неконтролируемого гнева. Он напал на Рема, заколол его и, ничуть не жалея о содеянном, объявил, что так будет с каждым, кто посмеет нарушить границу основанного им города. С этого убийства и началась история Рима.

К 510 году до н. э. Рим стал процветающим городом. Правил им в ту пору царь Тарквиний Гордый. Но, видимо, прогнило что-то в римском царстве: вскоре ещё один акт насилия повлёк за собой радикальные перемены. Сын Тарквиния, Секст Тарквиний, изнасиловал аристократку по имени Лукреция. Та созвала своих родственников, объяснила им, что случилось, а затем взяла и пронзила себе сердце кинжалом. Членам её семьи этот поступок показался благородным и достойным всяческих похвал – и, пылая праведным гневом, они принесли её тело на форум, словно она стала жертвой убийства. Скорбящие потребовали свергнуть Тарквиния и изгнать его вместе с сыном. Римский народ согласился – и поразительно единодушно и быстро упразднил монархию и провозгласил Рим республикой. При этом римляне решили не отдавать полномочия в одни руки, чтобы разделение власти, а также система сдержек и противовесов никому не позволили стать тираном. Римляне чрезвычайно гордились этим достижением – а возможным его сделала смерть ни в чём не повинной женщины.

Славная Римская республика просуществовала 450 лет – её закат тоже был ознаменован убийством. В мартовские иды 44 года до н. э. единоличный правитель Рима вступил в Театр Помпея, где сорок заговорщиков нанесли ему двадцать три колотые раны. В результате Юлий Цезарь, пожизненный диктатор и предшественник римских императоров, умер, истекая кровью, а перед его девятнадцатилетним внучатым племянником Октавианом открылась дорога к тому, чтобы стать прославленным божественным Августом.

Введение

Каждый переломный момент римской истории сопровождало убийство. Человек умирал насильственной смертью – чаще всего кровавой – и там, где он когда-то жил, возникало нечто новое. Рим был построен на крови Рема; республику породила гибель Лукреции; империя выросла из убийства Цезаря. Убийства в Риме не были редкостью – но на протяжении большей части римской истории само по себе убийство преступлением не считалось. А к убийствам, происходившим на гладиаторской арене, и вовсе относились как к спорту. Символом римского государства была фасция – пучок прутьев, в который вставляли топор. Прутья символизировали право государства бить граждан, а топор – право их убивать. Фасции носили телохранители, известные как ликторы, которые сопровождали римских магистратов всюду, куда бы те ни направились, никому не давая забыть об их полномочиях¹. Немногие общества относились к преднамеренному и целенаправленному убийству мужчин и женщин с таким же наслаждением и благоговением. Прямо скажем, в этом отношении римляне были людьми весьма странными.

Но и наше современное западное общество относится к убийствам довольно странно. Мы их попросту обожаем. Мы питаем к ним особую потребительскую страсть. Сегодня в Великобритании каждая третья продаваемая книга – криминальный роман, в начале которого какую-нибудь красивую женщину неизбежно находят мёртвой. Последние пять лет самым продаваемым писателем в мире считается Джеймс Паттерсон. Сочиняя триллеры о жестоких убийствах (из них целых восемнадцать – о «Женском убойном клубе»), он каждый год зарабатывает такие суммы, что они не укладываются у меня в голове. А самый продаваемый англоязычный автор всех времён – Агата Кристи: всего было продано от двух до четырёх миллиардов копий её детективных романов!² Но речь не только о беллетристике. Настоящие преступления тоже пользуются огромным спросом. В 2014 г. подкаст Serial о реальном убийстве школьницы за три месяца скачали сорок миллионов раз; с тех пор популярность посвящённых убийствам подкастов и сопутствующих медиа продолжает расти. Вы, дорогой читатель, заинтересовались книгой «Пришёл, увидел и убил. Как и почему римляне убивали» и наверняка ждёте (и не напрасно!) много описаний смертей и прочих ужасов. Я вас вовсе не осуждаю. Я ведь её сама написала – потому что я тоже люблю убийства. Я обожаю Serial, я одержима Агатой Кристи, всевозможные убийства будоражат моё воображение. И я много чего убийственного вам расскажу – если вы, конечно, к этому готовы.

Наша западная одержимость убийством как захватывающей и занимательной аномалией делает нас чудовищно странными на фоне других культур. Ни одно общество не создавало медиаимперий на крови бесчисленных множеств умерщвлённых и искалеченных женщин. Но нам самым странными кажутся римляне – потому что они наслаждались убийствами не так, как мы. На нашей совести – горы трупов выдуманных девушек, а на счету римлян – горы трупов реальных мужчин. Римляне, как уже говорилось, превратили убийство в спорт. Они заставляли рабов и военнопленных сражаться друг с другом на арене до тех пор, пока один из них не умирал насильственной смертью на глазах ликующей толпы. И это происходило регулярно. Гладиаторские бои в Риме были вторым по популярности видом спорта (первым были гонки на колесницах), и это весьма своеобразно влияло на отношение римлян к убийствам в других жизненных обстоятельствах – а также к фундаментальным вопросам жизни, смерти и человеческого бытия.

¹ В книге используется много латинских терминов. Значение большинства можно узнать, заглянув в Глоссарий.

² Признаться, это цифры из «Википедии», которые, по всей видимости, основаны на выдумках газетчиков, – но сойдёт и так. Почётное первое место она делит с Уильямом Шекспиром, который и сам нередко использовал убийство в качестве сюжетного хода.

А ещё у римлян существовало институционализированное рабство, проникавшее во все сферы жизни общества и с трудом укладывающееся в голову у наших современников, которые верят во всеобщее равенство. Рабов – мужчин, женщин и детей – можно было встретить в Риме повсюду. Во владениях аристократов жили сотни порабождённых римлянами людей. Даже семьям победнее зачастую прислуживал хотя бы один раб. Римское государство использовало труд рабов – и физический, и умственный, назначая некоторых из них на руководящие должности – чтобы управлять огромной империей и возводить на каждом шагу помпезные мраморные сооружения, украшенные милыми росписями. Все римляне постоянно контактировали с рабами, и никого из них существование рабства не смущало. Не было такого, чтобы римлянин взглянул на своих рабов или вольноотпущенников (которые оставались частью семейства бывшего хозяина) и подумал: «Постойте-ка, да ведь они такие же люди!» Скорее римляне относились к этим мужчинам, женщинам и детям, с которыми нередко жили под одной крышей, как к стульям, как к вещам, с которыми можно делать что вздумается и от которых можно избавиться – чаще всего без каких-либо неприятных последствий. И всем казалось, что это естественно и правильно. И это тоже влияло на их представления о добре и зле, о жизни и смерти.

Что такое убийство?

Подозреваю, что каждый думает, будто знает ответ на этот вопрос. Подозреваю, что большинство заблуждается – по крайней мере, с юридической точки зрения. Я и сама заблуждалась, пока не приступила к работе над этой книгой. Оказывается, лишение человека жизни (homicide) не всегда признаётся убийством (murder). Лишить человека жизни можно на вполне законных основаниях: речь, к примеру, о смертной казни, которая до сих пор существует в сотне стран (я думала, эта цифра меньше). Прямо сейчас в ста странах мира один человек может ввести другому смертельную вакцину, или застрелить его, или повесить – при полной поддержке государства. Солдаты, убивающие друг друга на поле боя, тоже действуют в рамках закона. Солдат может изо всех сил стараться убить как можно больше человек – и в итоге заработать только медали да тяжёлый посттравматический синдром.

Но в большинстве случаев лишение человека жизни незаконно – и эти случаи весьма разнообразны. В Великобритании и в США случаи неумышленного лишения человека жизни делят на две большие группы. В первую (involuntary manslaughter, в Шотландии – culpable homicide) входят ситуации, в которых преступник не хотел причинять жертве вред, но смерть явно наступила по его вине: к примеру, когда родители забывают маленьких детей в автомобилях в жару или когда медицинский работник даёт пациенту не то лекарство. Ко второй группе (voluntary manslaughter) относятся ситуации, в которых виновник хотел навредить, но не убивать: например, человека хотели побить, а он упал и ударился головой, или человек спровоцировал нападавшего, и тот потерял над собой контроль. Порой более мягкое наказание назначают людям, находившимся в состоянии сильного наркотического опьянения или нервного срыва.

Но в английском праве с его дотошностью тяжким убийством (murder) не считаются даже вышеописанные случаи. В Англии или Уэльсе лишение человека жизни признаётся тяжким убийством, только если «лицо (1) в здравом уме (2) незаконно причиняет смерть (3) любому разумному созданию (4), существующему (живому и дышащему при помощи собственных лёгких) и (5) находящемуся под охраной королевского мира (6), намереваясь причинить смерть или нанести тяжкие телесные повреждения». Чтобы английский суд признал лишение человека жизни тяжким убийством, должны быть соблюдены все шесть условий. В Шотландии достаточно только умысла или «порочной неосторожности». В федеральном законодательстве США убийством считается «незаконное причинение человеку смерти с заранее обдуманым преступным намерением». Вряд ли вы знали, что в законах об убийствах встречаются такие изящные формулировки.

Американцы предпочитают усложнять всё ещё сильнее, разделяя убийства на две степени, и ещё сильнее, разрешая штатам самим решать, что относится к первой степени, а что – ко второй. В большинстве случаев убийством первой степени считается умышленное убийство, которое было заранее обдумано или спланировано, а убийством второй степени – умышленное, но не планировавшееся заранее. То есть, если я выйду из дома, куплю пистолет, пойду к кому-нибудь домой и застрелю его, это будет убийство первой степени. Если я – Тед Банди³ и делаю вид, что поранил руку, чтобы женщина согласилась помочь мне поднять каноэ, а я смог забить её до смерти молотком, это тоже убийство первой степени: ведь я всё спланировал. Но если во время ссоры я внезапно выхватываю пистолет и стреляю в оппонента, то это убийство второй степени. В некоторых штатах непредумышленные убийства относят к третьей степени. А в штате Нью-Йорк убийствами первой степени считаются только убийство полицейского, убийство двух и более лиц, убийство с применением пыток и убийство, совершённое наёмным

³ Американский серийный убийца. – Примеч. пер.

убийцей. Так что если в Гленвилле, штат Нью-Йорк я куплю пистолет, поеду к кому-нибудь домой и убью его, это будет убийство второй степени – если, конечно, мне не платили, и если убитый не был копом. А вот сделай я то же самое в Потсвилле, штат Пенсильвания, это было бы убийство первой степени. Более того, в Пенсильвании мне грозила бы смертная казнь, которая в штате Нью-Йорк назначается лишь за тяжкие (первой степени) убийства. Таким образом, в результате убийства, совершенного в Пенсильвании, мог бы быть лишён жизни ещё один человек – но на этот раз в специальном помещении и с одобрения государства.

К чему я веду: убийство – это социальный конструкт. Предельно ясно лишь то, что один человек лишает жизни другого. Убийством считаются только некоторые способы лишения человека жизни, а какие конкретно – зависит от места и времени. Что в одном государстве признаётся убийством, то в другом может быть признано причинением смерти по неосторожности; что одним представляется законным, то другим кажется преступным. Убийство – это не само событие, а его интерпретация конкретными людьми. Это слово несёт эмоциональную окраску, которую не скрыть за обилием юридической терминологии. Это не бинарная категория. Это не простое и не однозначное определение. Убийства – сложная штука.

Когда я писала эту книгу, над столом у меня висела цитата социолога Дугласа Блэка: «Хорошее и плохое не абсолютно и не относительно; оно геометрично». Именно поэтому я использовала крайне широкое определение убийства, включающее, по сути, любое лишение человека жизни. Представления о хорошем и плохом крайне неустойчивы, они порождаются социальным пространством, в котором сдвигаются, смещаются, сходятся гендер, статус, раса, место, средства, время, богатство и бесконечное множество других переменных. По этой причине я интерпретировала понятие «убийство» очень (очень!) широко.

И я прошу вас иметь это в виду, когда мы окажемся в мире римских убийств.

I

Убийство на заседании сената

Как музыкальная группа, начинающая концерт со своего главного хита, мы начнём с истории, ради которой вы, наверное, и взялись за эту книгу. Мы начнём с громады, возвышающейся над мелочами, с одного из самых громких убийств всех времён, со смерти человека, о котором рассуждают вот уже две тысячи лет, так что его имя отпечаталось в нашем сознании: Гай Юлий Цезарь. Проблема с убийством Цезаря в том, что всем кажется, будто они всё уже знают. Может быть, они видели любительскую постановку трагедии Шекспира, или её телеверсию от BBC, или старый фильм с Марлоном Брандо в роли Марка Антония, или посмотрели все сезоны «Рима» от НВО, а может, прочли роман Роберта Харриса или Конна Иггульдена. Художественных произведений, в которых Цезарь истекает кровью на полу здания сената, более чем достаточно. Что такое мартовские иды, на Западе знают даже те, кто понятия не имеет, на какое число приходятся эти самые иды⁴. У всех в головах есть образ сорока мужчин, закалывающих Цезаря, и при этом обязательно звучит шекспировское «И ты, Брут?».

Почему мы знаем так много об убийстве Юлия Цезаря? Во-первых, о нём много писали сами римляне, оставившие нам поразительно подробные описания мартовских ид и их последствий. Во-вторых, вышло так, что со смертью Цезаря умерла и республика, а этому римляне придавали очень большое значение. И, конечно, эта история сама по себе исключительно драматична. Высокомерный военачальник, провозгласивший себя пожизненным диктатором, не слушает предсказателей, не обращает внимания на сны и уговоры жены, и решительно идёт навстречу собственной гибели. Он умирает на заседании сената, лёжа на полу у подножия статуи своего главного соперника. **Перед смертью он испытывает ужас и унижение, осознав, что один из убийц – его близкий друг и что помощи ждать неоткуда. Последнее, что он успевает сделать, – закрыть голову тогой, чтобы сохранить достоинство и доиграть свою роль до конца.** Юлий Цезарь – не столько человек, сколько миф. Его убийство воспринимается как захватывающая история, а не как кровавое преступление, совершенное сорока людьми в неудобной одежде, которые до того перепугались, что сумели нанести жертве лишь двадцать три колотые раны (промахнулся, если подумать, практически каждый второй). И всё же Юлий был вполне реальным человеком, который жил себе до тех пор, пока не почувствовал удар в спину, после которого ему стало холодно, мокро и очень больно. И его убийство не было чем-то из ряда вон выходящим. Оно пополнило список громких политических убийств, совершённых в последние десятилетия существования римской республики. Этот список демонстрирует, сколь специфическим явлением было политическое убийство в римском мире той эпохи, и как этот феномен менялся. Придётся признать, что я вас немного подразнила. Я сыграла первые аккорды знакомой мелодии, а теперь речь пойдёт о человеке, испустившем дух почти за век до Цезаря. Знакомьтесь: Тиберий Гракх, герой ещё более жуткой истории об убийстве.

⁴ На 15 марта.

Тиберий Гракх

Тиберий Гракх был человеком поистине выдающимся, и запомнился он прежде всего своей смертью. Она, как и смерть Цезаря, приблизила гибель Римской республики: после убийства Гракха Рим на сто лет стал ареной открытых военных действий. Это даже не метафора: почти век сенаторы с пугающей регулярностью закалывали друг друга, зачастую прямо в центре города. Богатейшие и самые могущественные люди Рима становились жертвами настоящей эпидемии вооружённых нападений. В теории, конец ей положила смерть Цезаря, или, возможно, победа Октавиана над Антонием и Клеопатрой в сражении при мысе Акций. На самом деле сенаторы никогда не прекращали попыток расправиться друг с другом; просто эти попытки со временем стали ещё коварнее. До этого мы ещё дойдём, но сперва нужно выяснить, каким образом убийства стали неотъемлемой частью политической жизни Рима. Увы, придётся много говорить о политике, в частности, об аграрных реформах. Это, конечно, ужасно, но мы с этим справимся. Я в нас верю.

С тех самых пор, как римляне изгнали из Италии⁵ своего царя (заметьте, его они не убили) и создали прекрасную республику, основанную на принципе разделения властей, они постоянно воевали друг с другом. Началось всё с конфликта патрициев и плебеев, но очень быстро участники противостояния разделились на тех, кто владел землёй, и тех, у кого земли не было, и, в конечном счёте, на оптиматов и популяров. Популяры были политическими популистами и заигрывали с народными массами, надеясь получить голоса за подачки. Оптиматами, то есть буквально «лучшими людьми», называли себя знатные патриции и выскочки, верившие, что простолюдинов ни в коем случае нельзя допускать к управлению государством. **Вопрос собственности на землю в Италии волновал всех, потому что в древности именно земля была основным источником дохода.** В ту пору все понимали, что земля – это деньги, так же, как сейчас все понимают, что недвижимость в Лондоне, Дублине или Нью-Йорке – это большие деньги. Бедняку хотелось заполучить в собственность участок, чтобы больше не снимать крохотную комнатку, в которой нельзя было даже нормально помыться. А богатому нужен был простор для огромных виноградников и роскошной жизни вдали от черни.

В пятом веке до н. э. римляне приступили к завоеванию Италии. Бедняки воспринимали каждую победу как возможность предъявить права на часть земли – в конце концов, именно из них состояла римская армия, покорившая соседние народы. К несчастью для бедняков, власть находилась в руках патрициев, которые просто присваивали всю захваченную землю или поступали ещё коварнее: объявляли эту землю «общественной» и сдавали её участки в аренду сами себе по неприлично низким ставкам. Безземельные римляне оставались безземельными, их ряды пополняли и несчастные итальянцы, лишившиеся земли по вине этих жестоких римских мерзавцев. Новые владельцы пользовались захваченной землёй, передавали её по наследству своим детям или продавали состоятельным покупателям.

Спустя века «общественная» земля превратилась в наследственные владения патрициев. Они получали её от дедов, оставляли сыновьям и давали в приданое дочерям, для них она была наградой за тяжкие труды, которой они категорически отказывались делиться.

Мы могли бы уже перейти к Тиберию Гракху – эта книга всё-таки не о политике в римской республике – но суть в том, что вопрос собственности на эту землю поднимался в Риме раз за разом, напряжение нарастало, и возник настоящий раскол между римским народом, осуществившим власть путём голосования на собраниях, и римским сенатом, уполномоченным изда-

⁵ Легендарный римский царь Тарквиний Гордый, как считается, был вынужден бежать сперва из Рима, а потом из Лация, но Италии не покидал и провёл остаток дней в городе Кумы, который в ту пору был греческой колонией. – *Примеч. пер.*

вать постановления. Звучит скучновато, но к 133 году до н. э. напряжение, вызванное спорами о земле, переросло в серьёзные проблемы, ощущавшиеся и в Риме, и в его постоянно расширяющихся владениях. Столице грозил голод: в ней и в её окрестностях аристократы понастроили столько огромных вилл и разбили столько красивых садов, что из-за нехватки земли резко сократилось производство продовольствия. Зависимость Рима от импорта неумолимо росла, и ничего хорошего в этом не было. Под угрозой оказались и римские завоевания, не говоря уже о перспективах дальнейшей экспансии. К 33 году до н. э. Рим покорил Италию, стёр с лица земли Карфаген и основал колонии в Северной Африке. Совсем недавно к республике были присоединены Македония и остальная Греция. Рим вёл экспансионистские войны вот уже целых два века и останавливаться не собирался, а значит, римской армии постоянно требовались новые солдаты, а римскому флоту – новые корабли. Солдат нужно было много, но возникла проблема: по закону служба в армии являлась привилегией обеспеченных римских граждан, а землевладельцев, подлежащих призыву, оставалось всё меньше. Ещё одна проблема с точки зрения правящего класса и римских граждан заключалась том, что после притока рабов из покорённых земель богатые римляне предпочитали использовать для обработки своей земли рабский труд, вместо того чтобы сдавать её в аренду или нанимать свободных работников. Среди римских граждан возникли опасения – почти наверняка беспочвенные, – что рано или поздно порабощённых иноземцев станет больше, чем римлян, и под угрозой окажется римское господство как таковое. Что-то подобное я слышала от одного таксиста, который жаловался, что Великобританию «заполонили» уроженцы Восточной Европы, поэтому «Англию ждёт крах». Правда, люди, «заполонившие» окрестности Рима, были порабощены и насильно угнаны в Италию. Но бесосновательные опасения влекли за собой реальные последствия.

Таким образом, римские власти столкнулись с тремя серьёзными проблемами. И лучшим способом решить их – по крайней мере, с точки зрения нашего Тиберия Гракха – была земельная реформа. Раздав римскую землю римским гражданам, готовым её обрабатывать, можно было в одночасье покончить со всеми угрозами. Дополнительная выгода – для Тиберия Гракха – состояла в том, что Тиберий Гракх навеки стал бы для римского народа героем. Конечно, он не был первым, кому пришла в голову мысль о переделе земель. Впервые об этом заговорил консул Спурий Кассий Веспеллин в далёком 486 году до н. э. Римский народ его предложение обрадовало, а сенат испугало. Его коллега по консульству и все остальные сенаторы повели себя так, будто он угрожал им физической расправой. Они обвинили Кассия в том, что он обзавёлся слишком широкой поддержкой и планировал положить конец их свободам. В конце концов его собственный отец в ходе домашнего разбирательства признал его виновным в каком-то преступлении, после чего Кассий был подвергнут бичеванию на улицах Рима и публично казнён⁶. Неудивительно, что после этого вопрос о земельной реформе довольно долго не поднимался.

Тиберий Семпроний Гракх был сыном – ну разумеется! – Тиберия Семпрония Гракха и его жены Корнелии, дочери великого военачальника Сципиона Африканского. Тиберий Гракх-старший не мог похвастаться патрицианским происхождением, но сделал головокружительную карьеру. Он дважды избирался консулом, успешно вёл войны, а во время пребывания в должности народного трибуна использовал право вето, чтобы прекратить процесс против Сципиона, которого обвинили в получении взятки от Антиоха III, правителя империи Селевкидов. Сципион так обрадовался, что сразу же пообещал выдать за Тиберия свою дочь, не посоветовавшись ни с ней самой, ни с её матерью.

Считается, что Корнелия родила Тиберию-старшему двенадцать детей, из которых до взрослого возраста дожили только трое, из них одна девочка, так что и она не считается. Оста-

⁶ По крайней мере, так звучит одна из версий. По замечанию Ливия, в других источниках говорилось, что Кассий был осуждён народным судом. См. Тит Ливий. «История Рима от основания города», 2.41.

ются Тиберий-младший и его младший брат Гай. **Вообще говоря, Тиберий Гракх-младший был довольно-таки заурядным римлянином. Пожалуй, его даже можно назвать самым заурядным представителем своего семейства.** Его маме ставили памятники как образцовой римской матери. О его отце рассказывали такую историю: однажды он обнаружил в своём доме двух змей, самца и самку (надо полагать, он был специалистом по змеям, потому что, если верить «Гуглу», определить их пол довольно сложно, у них там какие-то «клоакальные отверстия»). Он сделал то, что сделал бы любой добропорядочный римлянин, столкнувшийся с чем-то непонятным: отправился к прорицателю. Тот сказал ему, что он должен убить одну змею и отпустить на волю другую (почему – неясно; прорицатели не удосуживались давать подробные объяснения). Если бы он отпустил самца, а самку убил, его жена умерла бы, но если бы он отпустил самку, а убил самца, умер бы он сам⁷. Тиберий так любил Корнелию, что решил убить змею, от которой зависела его собственная судьба, и вскоре умер по неизвестной причине. В общем, хорошая история. Брат Тиберия-младшего, Гай, вырос абсолютно безбашенным, говорят, что он первым из римских ораторов во время речи сорвал с плеча тогу, что одновременно бессмысленно и немного сексуально. А ещё у него был личный музыкант, который ходил за ним повсюду и играл спокойные мелодии, когда Гай злился, и бодрящие, когда он засыпал. Вот это я понимаю, незаурядная личность! Даже их с Тиберием сестра Семпрония, о которой, поскольку она была женщиной, в источниках практически ничего не говорится, нарвалась на обвинения в убийстве собственного мужа, Сципиона Эмилиана (который одновременно приходился ей двоюродным братом). **О Тиберии же не ходило никаких занимательных анекдотов. Он напоминал пустое место, пока не был избран народным трибуном в 133 году до н. э.**

В Риме трибуны были наделены огромной властью. Они представляли всех римских граждан, не принадлежавших к числу патрициев, и Тиберий отнёсся к этой функции крайне серьёзно. Придя к выводу, что лучшее решение насущных проблем – передел земли, он предложил создать специальную комиссию, уполномоченную конфисковывать у богатых незаконно занятые ими земли и перераспределять их между гражданами, чтобы на каждого римского гражданина (мужского пола) приходилось не менее, а, в идеале, и не более 500 югеров (порядка 125 га). В результате установилось бы подобие равенства. Ситуацию усугубило то, что Гракх пренебрёг протоколом, которому обычно следовали трибуны, и не стал представлять свой проект на рассмотрение сената, а сразу созвал народное собрание (патриции в этих собраниях не участвовали). Выступая перед тысячами городских и сельских бедняков, собравшихся на Марсовом поле, он фактически призвал всех обездоленных Рима проголосовать, хотят ли они даром получить немного земли. Неудивительно, что как городские, так и сельские трибы горячо поддержали замечательное предложение Тиберия.

Сначала сенаторы просто пожали плечами. Попытки передела земли предпринимались и в прошлом, но всякий раз богатые либо игнорировали подобные законы, либо попросту выкупали обратно «перераспределённую» землю. **К несчастью для них, Тиберий Гракх извлёк уроки из истории и предусмотрел в своём законе создание комиссии, которая должна была активно заниматься конфискацией, а также ввёл запрет на перепродажу земли. Разрешалось только перераспределение.** Когда богачи это осознали, они пришли в ярость. С тем же успехом Гракх мог предложить им «перераспределить» их жён или дочерей! На званых обедах они только и делали, что жаловались друг другу и давали выход своему гневу. Спустя века, когда исход этого противостояния был уже ясен, греческий историк Аппиан сравнивал сетования богачей с жалобами бедняков, словно стороны находились в одинаковом положении. Читать это довольно забавно: если верить Аппиану, богачей страшно

⁷ По правде говоря, в том, что касается деталей пророчества, источники расходятся. Если верить Плутарху, судьба жены была связана с самкой, а судьба самого Тиберия – с самцом, если верить Валерию Максиму – наоборот. Остаётся только гадать.

расстраивало, что у них собираются украсть земли, в которые они вложили столько рабского труда. Им не хотелось лишаться его плодов. Некоторые подчёркивали, что честно приобрели свою землю у соседей. Правда, эти соседи когда-то украли её у римского государства и народа, но разве справедливо было наказывать нынешних владельцев? Другие унаследовали украденную у народа землю от родителей, или получили её в приданое, ещё больше было тех, кто взял займы под залог незаконно присвоенной земли. И что им теперь оставалось делать? Под угрозой оказались их престиж, их наследие, вот они и заливали слезами чаши с вином⁸.

Была назначена дата голосования в народном собрании. Привлечённый этой новостью народ начал стекаться в город. Испугавшись, что они и в самом деле могут проиграть, богачи выдвинули против Тиберия излюбленное обвинение в стремлении к царской власти. К несчастью для них, на тирана Тиберий не походил – для этого он казался чересчур благородным. **Он был блестящим оратором: слушая его, люди верили, что для них может наступить лучшее будущее.** Плутарх цитирует одну из его речей – читая её, так и хочется вскочить и запеть «Интернационал»:

«Дикие звери, населяющие Италию, имеют норы, у каждого есть своё место и своё пристанище, а у тех, кто сражается и умирает за Италию, нет ничего, кроме воздуха и света, бездомными скитальцами бродят они по стране вместе с жёнами и детьми, а полководцы лгут, когда перед битвой призывают воинов защищать от врага родные могилы и святыни, ибо ни у кого из такого множества римлян не осталось отчего алтаря, никто не покажет, где могильный холм его предков, нет! – и воюют и умирают они за чужую роскошь и богатство, эти «владыки вселенной», как их называют, которые ни единого комка земли не могут назвать своим!»⁹

Наконец наступил день голосования. Рим кишел селянами, добравшимися до города, чтобы отдать свой голос, и гудел от гнева сотен испуганных землевладельцев. Каждый избиратель входил в одну из тридцати пяти триб, собравшихся на Марсовом поле. Трибуны и магистраты приступили к делу. Согласно Аппиану, Тиберий первым выступил с длинной речью, попытавшись угодить всем. Он подчёркивал, что новый закон пойдёт на пользу Риму – во славу римского народа! – потому что каждый сможет служить в армии, а по окончании службы обрабатывать собственный земельный надел до конца своих дней. Это ли не жизнь!? Он призвал богатых отнестись к этим наделам как к своим подаркам Риму и всем римским детям, которые родятся на прекрасной римской земле. **Признаем честно, он заигрался в центризм и никого ни в чём не убедил.** Доказательством послужила реакция его коллеги по трибунату, Марка Октавия. Окончив речь, Тиберий приказал секретарю огласить текст законопроекта для голосования. Октавий немедленно вынудил секретаря замолчать. Он наложил на голосование вето. Между Тиберием и Октавием началась перепалка, вследствие чего собрание было приостановлено. Избиратели отправились по домам дожидаться завтрашнего дня. О том, как на произошедшее отреагировала толпа, в источниках ничего не сказано: к тому времени, как за дело взялись историки, до народа никому уже не было дела. Но я лично сомневаюсь, что ему это понравилось.

Назавтра собрание возобновилось. Тысячи людей вновь столпились на Марсовом поле в ожидании трибунов. На этот раз Тиберий позаботился о личной охране. К счастью, он решил обойтись без речей. Секретарь начал зачитывать законопроект. Октавий криком приказал ему замолчать. Толпа зашумела. Трибуны пытались перекричать друг друга, и собрание быстро превратилось в беспорядочное сборище. Прежде чем ситуация окончательно вышла из-под контроля, Тиберий пригрозил, что созовёт собрание вновь и предложит народу прекратить полномочия Октавия, решив, «должен ли трибун, действующий не в интересах народа, про-

⁸ См. Аппиан. «Гражданские войны», 1.10.38–42.

⁹ Плутарх. «Тиберий Гракх», 9. Перевод С. П. Маркиша. Цит. по: Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. 2. М.: Наука, 1994.

должать оставаться в своей должности»¹⁰. **Своё обещание Тиберий выполнил. И народ его поддержал. Октавий был смещён и незаметно скрылся. Закон о земельной реформе был принят.** Вскоре комиссия должна была приступить к конфискации земли. Каждый должен был получить свою долю. Радости народов не было предела.

Сенаторов это не обрадовало, но в конечном счёте именно в их руках оказался контроль за деятельностью комиссии, и они занялись откровенным саботажем (впрочем, подробности слишком скучные, чтобы их пересказывать). Формально Тиберий победил, но в результате такой победы ни для безземельных бедняков, ни для сенаторов почти ничего не изменилось. Казалось, что, несмотря на кипевшие страсти, реформы Тиберия ждёт та же участь, которая постигла все предыдущие попытки передела земли. Их ведь тоже погубила неповоротливость комиссий. Однако внезапно Аттал Филометор, царь Пергама, умер, завещав своё царство римскому народу. Пергам был большим городом на территории нынешней Турции. Римляне вот-вот должны были приступить к завоеванию этих земель. Став свидетелем страшных войн в Греции, Аттал понимал, что Рим готов снести всё на своём пути. Царь Пергама надеялся спасти свой город и свой народ, передав римлянам контроль над царством без кровопролития. По сути, его план сработал. В самом Пергаме кровь не пролилась. Но смерть Аттала стала началом конца для Тиберия, уцепившегося за эту возможность. **Рим получил много земли, которую можно было распределить между римскими гражданами, никого не обидев, и много денег, которые можно было раздать, чтобы эти граждане могли вести хозяйство.** «Огромное спасибо, – как бы сказал Тиберий Атталу, – дальше я сам справлюсь, разумеется, без помощи сената».

К тому моменту Тиберий уже год исполнял обязанности трибуна, и ему снова нужно было участвовать в выборах. Богатые стремились любой ценой лишить Гракха этой должности, чтобы прикрыть его комиссию, а лучше – изгнать его самого. Тиберий стремился любой ценой сохранить за собой должность, беспокоясь о собственной безопасности и о будущем своего дела. Обе стороны действовали отчаянно. Тиберий зазывал в город избирателей из сельской местности и обходил римских плебеев, упрасывая их проголосовать за него (Аппиан сообщает об этом как о чём-то постыдном). Противники Тиберия выступали под лозунгом «кто угодно, лишь бы не Гракх» – стратегия простая, но эффективная. В день голосования в Риме царила напряжённая атмосфера. В Римской республике голосования проходили на Марсовом поле, куда все равнодушные избиратели должны были явиться лично, чтобы, выстроившись по трибам, провести там весь день. Голосовали устно, один за другим. Процесс был крайне долгим и скучным, если, конечно, не случалось эксцессов. Именно в тот день такой и произошёл. Сперва казалось, что побеждает Тиберий, но его противники прервали голосование. Поданные голоса были отменены, всё началось заново с самого начала. Теперь казалось, что Тиберий проигрывает, и тогда вмешались уже его сторонники. Голосование было отложено. Тиберий отправился домой, и под его окнами всю ночь собирались люди: одни сетовали, другие выкрикивали слова поддержки.

Следующий день начался с недобрых знаков. Сперва священные птицы отказались от завтрака – это явно предвещало плохие новости. Затем, выходя из дома, Тиберий споткнулся о порог и так сильно ушиб ногу, что сломал ноготь большого пальца и замазал сандалию кровью. Может быть, виноваты были люди, всю ночь не дававшие ему спать, но дверям и дверным проёмам римляне всегда придавали символическое значение: казалось, что боги велют Тиберию остаться дома. Он их не послушал и отправился дальше – но не успел пройти и нескольких шагов, как к его ногам упал камень, сброшенный с крыши дерущимися воронами. Впрочем, и это знамение Тиберия не остановило.

¹⁰ Аппиан. «Гражданские войны», 1.12.51. Перевод С. А. Жебелёва. Цит. по: Аппиан Александрийский. Римская история. М.: Ладомир, 2002.

После всего, что произошло вчера, голосование перенесли на Капитолий в надежде, что там народ постарается вести себя поприличнее. Это не помогло. К моменту прибытия Тиберия трибы разделились на две яростные толпы. Обе они были недовольны отменой результатов вчерашнего голосования: одна – первого, другая – второго. Когда некоторые трибуны попытались в очередной раз прервать процесс, вспыхнул бунт. Сторонники Тиберия вырвали фасции из рук ликторов и изгнали его противников с Капитолия. Центр Рима погрузился в хаос, а Тиберий и его товарищи оказались в западне: капитолийский холм окружила жаждущая мести толпа...

Если вы дочитали до этого места, поздравляю: краткое изложение политической ситуации в Римской республике подошло к концу. Понимаю, вышло ужасно, но я очень старалась, зато сейчас начнётся самое интересное. И наконец-то источники поразительно единодушны по поводу того, что именно произошло.

В храме Верности на заседании сената разгорелся спор, который навсегда изменил сущность римской политики. Сенаторы спорили, стоит ли убивать Тиберия Гракха. Многие из представителей самого почтенного института римского государства пытались убедить консула Публия Муция Сцеволу использовать империй (высшую исполнительную власть), чтобы казнить Тиберия – без суда, за то, что он собирался отнять у богачей украденную ими землю. Муций Сцевола ответил отказом. Без суда лишать жизни римского гражданина, тем более – трибуна, было совершенно непозволительно, сколько бы бед он ни натворил. Сенаторы продолжали спорить, а Тиберий тем временем пытался придумать какой-то план. Долго так продолжаться не могло, одна из сторон неминуемо должна была перейти в наступление или же отступить. Аппиан был по происхождению греком, римские нравы республиканских времён его несколько озадачивали, и он удивлялся, почему римляне не воспользовались ситуацией, чтобы объявить чрезвычайное положение и назначить диктатора. Наверное, они до того разошлись, что просто забыли о возможности на законных основаниях заменить демократию диктатурой. Учитывая, что произошло на самом деле, это не такой уж плохой совет, но задним умом все крепки.

Неожиданно перейти в наступление решил не кто-нибудь, а великий понтифик, глава коллегии жрецов, в ведении которой находилась государственная религия. Стоит признать, что в Риме жрецы ведали отнюдь не только духовными делами, и всё-таки, когда Сципион Назика потерял терпение, это было немного похоже на то, как если бы в Британии проявил агрессию архиепископ Кентерберийский. Назика вскочил и воскликнул: «Если консул – изменник и не собирается защищать государство и законы, предоставьте это мне!» (я, конечно, пересказываю своими словами, но римские историки в своё время делали то же самое – свидетелями событий они не были). После этого он обернул тогу вокруг руки и закричал: «Кто хочет спасти отечество, пусть следует за мною!»¹¹ **Сенаторы одобрительно заревели, и, поскольку принести мечи на заседание сената было запрещено, спешно вооружились досками, разломав деревянные скамьи. Ситуация окончательно вышла из-под контроля.**

Один из сенаторов ринулся к Капитолию, чтобы предупредить Тиберия, что его противники вооружены и очень опасны. Народ окружил Тиберия, чтобы защитить его и вывести из зоны конфликта. Но от храма Верности до вершины Капитолийского холма было рукой подать, и сенаторы уже приближались, а путей к отступлению было мало. Сторонники Тиберия пытались сдержать наступление защитников богачей, а те размахивали самодельными дубинами. Когда сами сенаторы принялись наносить удары, беспорядки переросли в нечто большее. Ломая противникам кости деревянными досками, они нанесли непоправимые увечья не только отдельным римским гражданам, но и самой республике. Запустив свой стул в головы защитников Тиберия, Назика поколебал фасад демократии и республиканизма, внушавший

¹¹ Там же, 1.12.68.

плебеям веру в то, что они способны влиять на государственные дела. Убитые и тяжелораненые римляне падали на землю. Некоторых просто затоптали. Воздух вокруг древних храмов наполнился криками. **Тиберий бежал в сторону восточной части Капитолийского холма, когда кто-то схватил его за тогу. Длинный и тяжёлый кусок шерстяной материи – не самая удобная одежда для того, кто спасается бегством. Тиберий сбросил тогу с плеч, но споткнулся, и здесь его настигли убийцы.** Если верить Плутарху, первый удар нанёс его коллега-трибун, Публий Сатурей, а второй – Луций Руф. Аппиан сообщает, что Тиберий погиб у статуй царей; Валерий Максим просто пишет, что он получил по заслугам. Его ударили доской по голове – и он умер. Богатейшие люди Запада насмерть забили трибуна, которому не исполнилось ещё и тридцати лет, а вместе с ним – несколько сотен его сторонников. Впервые в истории Рима политический спор был разрешён с помощью убийства – и дороги назад уже не было.

Если вы думаете, что на следующий день римляне мучились своего рода политическим похмельем, вспоминая о недавних событиях со смесью отвращения и стыда, вы ошибаетесь: сенат пошёл ещё дальше. Над телами Тиберия и его сторонников надругались, бросив их в реку. Несколько его друзей изгнали из Рима, ещё нескольких казнили. Плутарх утверждает, что одного из них, Гая Биллия, наказали так, как если бы он убил родного отца: его посадили в мешок, полный ядовитых змей. Плохие парни одержали победу и не собирались идти на попятную. В том, что именно сенаторы были плохими парнями, можно не сомневаться. Как бы ни изощрялись римские историки последующих веков, доказывая, что Тиберий обезумел и предал республику, ясно, что они на самом деле имели в виду: он предал свой класс. За это сенаторы возненавидели его настолько, что решились на убийство. **Чтобы остановить Тиберия, они разломали свои скамьи и забили его до смерти, а затем выбросили труп в реку.** Это был возмутительный эпизод римской истории – но никто не возмущался, потому что все вдруг осознали, какие последствия ждут того, кто решит возмутиться. Все поняли, что никакого реального баланса сил между сенатом и римским народом не существует. Демократия – просто фарс. Вся власть принадлежит сенаторам, и они готовы убить любого, кто встанет у них на пути. И если они это сделают, никаких последствий для них не наступит.

С этого момента в римской политике насилие всегда оставалось обычной практикой. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы устранение оппонентов превратилось в популярную стратегию решения политических проблем, но движение в этом направлении началось, когда статую Ромула забрызгала кровь Тиберия. Отныне не было ничего необычного в убийстве «врага республики», даже если подобное обвинение не имело юридической силы. Впрочем, поначалу никто не верил, что произошло нечто настолько важное: современники никогда не осознают, что стали свидетелями поворотного момента в истории. **Людам казалось, что убийство Гракха – эпизод неприятный, но единичный. А затем история повторилась.**

Брат Тиберия Гай был на девять лет его младше – и гораздо бодрее. Едва начав политическую карьеру, Гай тут же стал объектом пристального внимания народа и сената. Народ при помощи недвусмысленных призывов, окликов на улицах, надписей на стенах требовал от него продолжить дело покойного брата. Сенаторы не спускали с него глаз, как полиция в аэропорту не спускает глаз с оставленной кем-то сумки. Они были готовы устроить контролируемый взрыв при первых признаках роста его популярности. Чтобы досадить ему и лишить его сил, они завалили его судебными исками – постоянные тяжбы были для римлян образом жизни. Наконец, Гай поддался и в 123 году до н. э. выставил свою кандидатуру на выборах трибунов. Разумеется, его ждал успех – к ярости сенаторов, которые, все как один, были настроены по отношению к нему враждебно. **В отличие от брата, стремившегося к компромиссу и примирению, Гай был сторонником конфронтационного, деструктивного подхода. Он немедленно внёс законопроекты, которые не могли не разозлить всех его про-**

тивников. Он хотел вернуться к вопросу перераспределения земли. Он хотел изменить законы о выборах магистратов. Он хотел предоставить всем жителям Италии, так называемым латинянам, римское гражданство. Он хотел, чтобы больше средств выделялось на строительство общественных сооружений и на помощь бедным. Если верить Плутарху, он хотел построить длинные, прямые и красивые дороги с мильными столбами и специальными камнями, с помощью которых можно было бы легко забраться на лошадь или слезть с неё. Он хотел многого, и народу это нравилось, а сенаторы не собирались идти ни на какие уступки. Чтобы ему помешать, они предпринимали всевозможные политические манёвры, но всё это бесконечно скучно. Подобные склоки продолжались целых два года, прежде чем в 121 году до н. э. произошла новая вспышка насилия.

На этот раз виноват во всём был сам Гай, вновь продемонстрировавший свой задиристский характер. Когда его сторонники закололи грубоватого ликтора палочками для письма (!), Гракха больше всего волновало, что это негативно скажется на его репутации. Теперь ни у кого не оставалось сомнений, что насилие стало неотъемлемым элементом римской политики. Гай принял решение возглавить вооружённый мятеж против сената. К тому моменту он уже не был трибуном и ничем не мог оправдать свои действия. Попытка мятежников захватить Авентинский холм кончилась плохо. Консул Фульвий, поддерживавший Гая, был обнаружен в какой-то заброшенной бане и жестоко убит. **Гай был вынужден бежать из города; его раб Филократ, повинуясь его приказу, пронзил его мечом.**

Обнаружив тело Гая, сторонники сената отрубили ему голову, а некий Септумулей насадил её на копьё и понёс в Рим. В награду он получил столько золота, сколько весила голова. Справедливости ради, Гай сам напросился, попытавшись разобраться с сенаторами с помощью вооружённого сброда, но его гибель оказалась ещё одним ударом по республике. Этот кровавый кошмар навсегда похоронил надежды на демократические реформы в римском государстве. Гая трудно назвать хорошим парнем (как бы он ни кокетничал, обнажая плечо), но его смерть, и смерть консула, и гротескная демонстрация отрубленной головы (весила она, кстати, 17,6 римских фунта, то есть примерно 5,8 кг) свидетельствовали о том, что плохие парни побеждали и упивались своей победой. И о том, что устранение политических оппонентов быстро стало чем-то обыденным.

Публий Клодий Пульхр

О том, насколько рутинными стали политические убийства в последние годы существования республики, ярче всего свидетельствует бесславная гибель Публия Клодия Пульхра от рук его соперника Тита Анния Милона.

Публий Клодий Пульхр – пожалуй, мой самый любимый римлянин. Это была поистине колоссальная фигура. Если бы я была его современницей, я однозначно презирала бы и его, и всё, чего бы он ни коснулся, но дистанция в две тысячи лет позволяет мне относиться к нему с восхищением и благоговением. Он был одновременно высокомерным театральным злодеем, народным героем и героем бесчисленных анекдотов. Куда бы он ни направился, с ним всюду происходили поразительные истории. И все его предки (которых тоже звали Публиями Клавдиями Пульхрами) были ему под стать. Его прапрапрадед, первый Публий Клавдий, прозванный Пульхром (то есть «Красивым»), угодил в историю, которая однозначно входит в первую пятерку моих любимых анекдотов из жизни римлян. Дело было в 249 году до н. э., во время Первой Пунической войны, которую римляне вели против Карфагена. Наш герой, красавец Публий, в тот год был консулом и возглавил новорождённый римский флот, созданный специально для борьбы с карфагенянами. На рассвете Публий начал готовиться к битве. Для римлян эта подготовка включала гадание с участием священных цыплят. К этому ритуалу римляне относились очень, очень серьёзно: благодаря этим птицам можно было узнать волю богов. Решение принималось в зависимости от того, когда и как цыплята ели. В общем, Публий поинтересовался у цыплят: «Идти ли нам в бой? Одержим ли мы победу?» И стал ждать, пока цыплята съедят свой корм и дадут ему зелёный свет. К несчастью для него, оказавшись на корабле, цыплята начисто лишились аппетита. Ну, или боги посылали Публию сигнал. Так или иначе, цыплята к еде не притронулись – сколько бы консул ни ждал и как бы сильно ни хотелось ему атаковать флот карфагенян. В конце концов, поддавшись безбожному гневу, Публий бросил цыплят в воду, крича: «Раз не хотят есть, пусть пьют!» После чего вступил в бой и потерпел сокрушительное поражение, потеряв 93 из 123 кораблей. В Рим он вернулся с позором, и его судили за враждебные действия в отношении государства. В общем, вы усвоили урок: не шутите со священными цыплятами.

Из такого вот рода происходил наш Клодий. Род был древний и славный, потомкам было на кого равняться. **Из шестерых детей своего отца Клодий был самым младшим, поэтому он постоянно пытался привлечь к себе внимание. Из-за этого стремления он регулярно попадал в неприятности и ужасно раздражал Цицерона.** Действовать на нервы Цицерону он очень любил, и в этом я его прекрасно понимаю: Цицерон отличался раздутым и крайне чувствительным эго, устоять было невозможно. Кроме того, Цицерон заботился о римском государстве, как о святыне, а Клодий не заботился ни о чем и ни о ком¹². Впрочем, в своё время Клодий относился к Цицерону заметно лучше – они были заодно, когда им обоим хотелось без суда лишить жизни Луция Сергия Катилину.

Катилина был очередным возмутителем спокойствия в эти беспокойные времена. К 60-м годам до н. э. республика погрузилась в глубокий кризис. Помпей, Цезарь и Красс готовились развязать настоящую гражданскую войну, в государстве царили взяточничество, насилие и неопределённость. В такой обстановке Катилина, мелкий пройдоха, хотел сделать себе имя, свергнув власть консулов и убив множество людей под предлогом заботы об обездоленных Рима. К несчастью для него, одним из консулов в это время был Цицерон, а Цицерон – это вам

¹² За исключением разве что своей сестры Клодии, от которой в 66 году до н. э. муж потребовал развода – по слухам, после того, как поймал её в постели с её братом.

не Муций Сцевола. Узнав о заговоре Катилины, Цицерон тут же велел казнить его без суда¹³. Большинству римлян было как минимум не по себе от того, что консул запросто приговорил патрициев к смерти, построив обвинение на домыслах и лишив обвиняемых права на судебную защиту – но Клодий в тот момент горячо поддерживал Цицерона. По-моему, ему просто нравился хаос.

Отношения между ними испортились в результате очень типичного для Клодия скандала. В декабре 62 года до н. э. – не прошло и года с тех пор, как был убит Катилина. – Клодий проявил нездоровый интерес к религиозным таинствам, участие в которых могли принимать только женщины. Эти таинства, посвящённые италийской Благой богине (Bona Dea), устраивались по ночам в доме великого понтифика. Его жена возглавляла церемонию, а помогали ей девственные весталки. Мужчинам участвовать в этом празднике было строжайше запрещено, и Клодию, разумеется, захотелось данный запрет нарушить. На момент событий ему уже исполнилось тридцать, но он по-прежнему оставался идиотом, а потому решил, что вполне сможет сойти за молодую женщину. По всей видимости, он нарядился и надел женскую одежду, а затем проник в дом великого понтифика через окно. Великим понтификом в это время был Юлий Цезарь, дом у него был большой, и Клодий попросту заблудился. Если верить Плутарху, его обнаружила служанка, которую совершенно не убедил его маскарад, поэтому она принялась кричать. Клодию пришла в голову ещё одна блестящая идея – спрятаться в соседней комнате – но его тут же поймали и вскоре судили за святотатство. На суде Клодий продемонстрировал исключительное хладнокровие: он упёрся и твердил, что не мог проникнуть в дом Цезаря, потому что в тот день находился за пределами Рима. В этот момент Цицерон вызвался свидетельствовать и заявил, что Клодий однозначно был в тот день в Риме, в частности, навещал его, Цицерона. Однако Клодий был страшно популярен, банда его приспешников готова была разобраться с каждым, кто вздумает с ним шутить. Кроме того, он был ужасно богат и мог подкупить тех, кого не получалось запугать. В итоге обвинения с него были сняты – но его дружбе с Цицероном пришёл конец.

Уже после этого, в 59 году до н. э., Клодий, до сих пор официально звавшийся Публием Клавдием Пульхром, был усыновлён плебейской семьёй и сменил имя. **Он отказался от членства в патрицианском роду Клавдиев, чтобы получить возможность участвовать в выборах народных трибунов. Это был беспрецедентный и крайне смелый шаг.** Впрочем, в это время Римом открыто правил первый триумвират, незаконная клика, состоявшая из Красса, Помпея и Цезаря, и прежние правила уже не работали. Этот эпизод из жизни Клодия вспоминают реже, чем сексуальный скандал с таинствами в честь Благой богини, но, на мой взгляд, именно он стал поворотным моментом в конфликте между популярными и оптиматами. До сих пор римляне боролись за власть и престиж и одерживали победы на выборах и на поле боя, думая в первую очередь о чести своей семьи. Каждый римский аристократ хотел быть достойным своих великих предков или стать великим предком для собственных потомков. К личной славе стремились, чтобы упрочить семейную. Клодий же отказался от своей семьи и добровольно отрёкся от семейного имени, чтобы получить должность, на которую не имел права, добиться расположения римских плебеев и укрепить личный авторитет. **Он готов был лишить своих потомков славного имени Клавдиев, чтобы прибрать к рукам ещё немного власти.**

Став трибуном, Клодий вступил в конфронтацию с сенатом: он провёл закон о регулярных раздачах хлеба всем жителям Рима, а также – специально, чтобы отомстить Цицерону – закон, по которому можно было судить консулов, казнивших граждан без суда. Цицерон вынужден был отправиться в ссылку. После этого Клодий сжёг его дом. В 58 году до н. э.

¹³ Казнены были отдельные сообщники Катилины, а сам он возглавил армию повстанцев и погиб в битве при Пистории. – Примеч. пер.

для защиты своих интересов Клодий создал вооружённую банду, в состав которой вошли как свободные люди, так и рабы. После этого началось форменное безумие: каждому хотелось вслед за Клодием обзавестись частной армией, готовой расправиться с оппонентами. Организованные преступные группировки вошли в моду. В частности, Тит Анний Милон организовал банду из своих рабов и гладиаторов. **Политические собрания быстро перерастали в кровавые стычки. Каждые выборы заканчивались сражением. Рим погрузился в хаос.** К 52 году до н. э. нападения банд стали столь же привычным элементом политической жизни, как взяточничество и взаимные обвинения в организации нападений банд. Выражаясь словами Диона Кассия, убийства стали повседневным явлением – причём речь об убийствах, совершавшихся прямо на улицах, у всех на виду. Выборы неизбежно превращались в бойню, поэтому их вообще перестали проводить. К счастью, мне не приходилось становиться свидетелем массовых беспорядков, и я не могу представить себе, что чувствуют люди, когда политика из скучного и размеренного процесса превращается в бесконечную уличную драку, когда выборы представляют угрозу для жизни, а насилие становится нормой. Когда история о том, как Марк Антоний с мечом в руках бегал по форуму за Клодием, вынудив его запереться в книжной лавке, воспринимается не как вопиющая драма – потому что вообще-то это ненормально, когда бывший консул угрожает трибуну расправой – а как незначительная анекдотическая подробность¹⁴. Мне трудно представить себе толпы, вдохновлённые речами Клодия, потому что римские источники склонны обесчеловечивать представителей среднего и рабочего классов. Римские источники отражают взгляды элит, относившихся к простым горожанам, как к отвратительной черни, хотя на самом деле это были такие же люди, как мы с вами. Лавочники, строители, пекари, кожевники и так далее. Этих людей могли побить, если они не так проголосовали на выборах, в ходе каждой уличной стычки наносился ущерб их домам и лавкам, постепенно они отстранялись от участия в управлении государством. Клодий же, при всей его одиозности, предложил им хоть что-то. Его хлебные раздачи описаны в римских источниках как циничная уловка. Возможно, они и были уловкой, но благодаря им простым римлянам больше не приходилось голодать целыми днями. **Клодий обеспечил всем римским гражданам базовое пропитание, и за это они были ему вечно благодарны. Потому-то его убийство и стало проблемой.**

Дело было 18 января 52 года до н. э. Клодий путешествовал в сопровождении гладиаторов и рабов – в общей сложности, по сообщению Аскония, за ним следовало три десятка вооружённых людей. У Бовилл он неожиданно столкнулся со своим заклятым врагом Милоном. Эти двое годами устраивали бандитские разборки из-за разногласий по поводу того, стоит ли разрешить Цицерону вернуться в Рим, и попыток засудить друг друга за организацию вышеупомянутых разборок. Неприязнь Клодия к Милону была взаимной, поэтому встреча на Аппиевой дороге не могла не перерасти в очередную ожесточённую схватку. Однако на этот раз один из гладиаторов Милона зашёл слишком далеко.

Будучи сенаторами, Клодий и Милон не принимали участия в кровопролитии лично. Для того они и платили своим приспешникам, чтобы не марать руки. **Они играли роль генералов, а не солдат, и не думали о том, что их могут ранить в уличной стычке. Поэтому, когда в тот день один из рабов Милона вонзил Клодию в спину кинжал, это потрясло всех.** В разных источниках случившееся описывается по-разному. Цицерон в своей речи в защиту Милона пытался преуменьшить тяжесть убийства и представить дело так, будто Клодий нарочно бросился на кинжал, а Милон в это время вообще смотрел в другую сторону. Аппиан допускает, что раб действовал по прямому приказу Милона, и предполагает, что тот велел добить умирающего. Дион Кассий утверждает, что Клодия ранили случайно, а добились намеренно: якобы Милон счёл, что уйти от ответственности за убийство будет легче, чем за

¹⁴ См. Цицерон. «Филиппики», 2.21.

нападение. Марк Антоний, если верить Цицерону, пустил слух, что убийство Клодия Милон совершил по просьбе Цицерона¹⁵. Мне эта версия импонирует: некоторые свои письма Цицерон датировал «на такой-то день после битвы при Бовилле»¹⁶ – значит, день смерти Клодия был особенно мил его сердцу.

Асконий, живший во времена Нерона и составивший комментарии к опубликованным речам Цицерона в качестве ужасного, но по-своему милого подарка своим сыновьям («Ой, спасибо, папочка, ты написал для нас учебник!»), предлагает самое подробное описание произошедшего. В его версии событий Милон – безжалостный убийца. Гладиатор Биррия напал на Клодия за то, что тот слишком сурово на него посмотрел, но приспешники раненого успели отнести его в ближайшую харчевню. Там он и лежал, истекая кровью, пока на улице продолжалась драка с участием шестидесяти рабов (которую римляне упорно именовали битвой). Милон же, узнав, что Клодий ранен, приказал своим людям отыскать его и прикончить. Если верить Асконию, люди Милона выволокли раненого Клодия из харчевни, швырнули его на дорогу и наносили удары до тех пор, пока тело не перестало подавать признаки жизни. После этого они расправились с сопровождавшими трибуна рабами и оставили тела на обочине Аппиевой дороги. В тот же день другой сенатор, Секст Тедий, обнаружил следы резни и привёз тело Клодия в Рим¹⁷.

Как бы то ни было, Клодий испустил дух, лёжа на обочине Аппиевой дороги с кинжалом в спине, и римский народ это возмутило. Это было уже чересчур. Приспешники Клодия отнесли тело на форум и возложили его на ростру. Для плебеев он тут же стал мучеником. Пусть он был развратником, святотатцем, жестоким патрицием, позарившимся на власть народного трибуна, но он был их развратником, святотатцем, патрицием и трибуном, и плебеи не собирались мириться с тем, что другие патриции взяли и убили его. «О покойных вспоминают только хорошее» – это банальность, но она совершенно справедлива в отношении Клодия. В одночасье все его отвратительные выходки были забыты, его оплакивали как народного любимца, раздававшего простым людям хлеб и наказывавшего сенаторов. Прямо на форуме почитатели соорудили для своего героя погребальный костёр. Вместо дров они использовали скамьи и столы сенаторов, а потом подожгли его вместе со зданием сената и устроили поминки в свете зарева. Здание, возведённое ещё царём Туллом Гостилием, простояло пятьсот лет и сгорело вместе с телом очередного убитого трибуна. Основания республики пошатнулись ещё сильнее, и сенат в панике передал всю власть над государством Помпею.

¹⁵ См. Цицерон. «Речь в защиту Тита Анния Милона»; Аппиан, «Гражданские войны», 2.21; Дион Кассий. «Римская история», 40.48; Цицерон, «Филиппики», 2.21.

¹⁶ См. Цицерон. «Письма к Аттику», V.13. – *Примеч. пер.*

¹⁷ См. Асконий. «Комментарий к речи Цицерона в защиту Милона», 6.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.